

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-2

Хабибуллаева Ф. К.

**Герменевтический подход к анализу текста
(на материале русских переводов романа А. Кадыри
«Минувшие дни»)**

Андижанский государственный университет, ул. Университетская, д. 129, г. Андижан,
170100, Республика Узбекистан; *feruza0902@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается методология анализа текста в процессе переводов романа узбекского писателя Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» на русский язык, осуществленных в разные эпохи социально-культурного развития общества. Верифицируются различные современные интерпретации и алгоритмы герменевтического подхода к переводу, основанного на классических трудах Шлейермахера, Дильтея, Хайдеггера, Гадамера. Уточняются существенные черты и презумпции герменевтического подхода как средства адекватного воссоздания в переводе национального своеобразия оригинального произведения.

Ключевые слова: герменевтика; герменевтический подход; собственно-герменевтические средства; герменевтико-переводческие средства; ассоциативно-герменевтические средства.

Для цитирования: Хабибуллаева Ф.К. Герменевтический подход к анализу текста (на материале русских переводов романа А. Кадыри «Минувшие дни») // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 16-27. DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-2

F. K. Khabibullaeva

**The hermeneutic approach to text analysis in the process
of literary translation (on the example of Russian translations
of the novel by A. Qodiriy “Bygone Days”)**

Andijan State University, 129 University St., Andijan city, 170100, Republic of Uzbekistan:
feruza0902@mail.ru

Abstract. The article considers the methodology of text analysis in the process of translations of the novel by the Uzbek writer Abdullah Qodiriy “Bygone Days” into Russian, carried out in different epochs of the socio-cultural development of society. Various modern interpretations and algorithms of the hermeneutic approach to translation, based on the classical works of Schleiermacher, Dilthey, Heidegger, Gadamer, are verified. The essential features and presumptions of the hermeneutic approach are clarified as a means of adequate reconstruction of the national originality of the original work in translation.

Keywords: hermeneutic; hermeneutic approach; hermeneutic proper means; hermeneutic-translation means; associative-hermeneutic agents

For citation: Khabibullaeva, F. K. (2020), “The hermeneutic approach to text analysis in the process of literary translation (on the example of Russian translations of the novel by A. Qodiriy “Bygone Days”)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 6 (3), 16-27, DOI: 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-2

Вопросам применения герменевтического подхода в переводах уделяется большое внимание. Выступая в Прусской академии наук, Ф. Шлейермахер предложил такое определение герменевтики: «это понимание чужой речи» (Ольховиков, 1999: 178). При рассмотрении герменевтических аспектов перевода к ним относят «вопросы понимания и интерпретации текста оригинала переводчиком и вопросы понимания и интерпретации текста перевода его читателями» (Семко, Рябов, 1998: 112). Как известно, герменевтический подход направлен на создание подсистемы «текст-интерпретатор», нацеленной на определение «смысловой организации текста» (Гадамер, 1991: 16). Говоря о герменевтическом анализе текста, исследователи (например, С.А Семко и Г.П. Рябов) представляют его основную цель как «адекватное перевоплощение в языковой материи переводного текста» (Семко, Рябов, 1998: 112). Термин «адекватность» приобрел важный статус в герменевтическом подходе. Так, сам процесс перевода объясняют при помощи понятия «адекватно»: «Перевести – значит адекватно понятое адекватно воссоздать средствами другого языка, воспроизвести с учетом взаимодействия содержания и формы» (Семко, Рябов, 1998: 5). Но в таком случае компоненты одной культуры могут оказаться незнакомыми и даже непонятными представителям другого языка. Можно сделать вывод, что при межъязыковой (и, естественно, межкультурной) коммуникации немаловажное значение имеет перевод художественных текстов. Язык – это не только средство речевой коммуникации; он служит средством передачи общекультурного знания о действительности, в нем воссоздается и развивается языковая картина мира. В каждом национальном языке находят выражение специфические свойства, присущие мышлению носителей той или иной культу-

ры, особенности цивилизации, дух народа. Язык поэтому по своей сути является важнейшей основой общенародной культуры, а созданные на языке художественные тексты служат показателем этой культуры.

Конкретные тексты художественной литературы появляются и исследуются в конкретной общественной ситуации, в определенном конкретный период. Известно, что довольно часто компоненты одной культуры могут быть незнакомы и в силу этого непонятны представителям другого народа и носителям иного языка. Будучи носителем определенной профессии, «переводчик по сути является своеобразным экспертом при изучении реалий, присущих той или иной культуре» (Алексеенко, 2016: 1067). Кроме того, переводчик – естественный носитель языка и мировосприятия своего народа. Поэтому переводчик художественной литературы является и языковым посредником, и посредником в области культурной коммуникации, тем более, что эти два вида посредничества настолько взаимосвязаны, что одно не может существовать без другого, поскольку только адекватное понимание переводчиком текста оригинала позволит ему правильно подобрать эквивалентные языковые средства и полноценно воссоздать отраженную в нем действительность. В этом случае чрезвычайно важен адекватный перевод, способствующий знакомству с иной культурой, ее изучению, восприятию и пониманию. Можно утверждать, что благодаря художественному переводу происходит межкультурный диалог. В герменевтике как науке о понимании, толковании и интерпретации текстов особое внимание уделяется информации, заложенной в текстах. Р.К. Миньяр-Белоручев различает пять степеней информационного запаса произведения. Им утверждается, что овладение информационным запасом 3-ей степени, а именно уровнем «знания лексической еди-

ницы, который позволяет свободно владеть ею и правильно понимать, и употреблять ее в речи» (Миньяр-Белоручев, 1980: 60), достаточно для успешного осуществления перевода. Здесь можно согласиться с исследователем только в том случае, когда речь идет об устном переводе. Однако для достижения хорошего результата в художественном переводе, на наш взгляд, нужно владеть как минимум информационным запасом 4-й степени, которая охарактеризована как «осознанная система предметов, с которыми так или иначе связаны обозначенные предмет, явления, признак, другими словами, на этом уровне осведомленности интерпретатора о денотате появляется возможность говорить о явно выраженном предметном контексте» (там же). Необходимо сказать, что такое мнение противоречит позиции Р.К. Миньяр-Белоручева, который уверен, что «от переводчика нельзя требовать, чтобы он был специалистом (владел информационным запасом 4-й степени) во всех областях знаний» (там же). Практически невозможно найти переводчика, который был бы специалистом во всем. Однако нельзя отрицать и того, что художественная литература способна отражать все грани человеческой жизни без исключения. А значит, на практике переводчику приходится сталкиваться с широкой информационной базой знаний, которой у него, возможно, нет. И поскольку информационный запас 4-й степени не является постоянной величиной, переводчику при работе над переводом каждого нового произведения необходимо, во-первых, доводить свои знания до этого уровня; во-вторых, имея в виду невозможность быть специалистом во всех областях, ему необходимо еще обращаться за консультацией к специалистам. Таким образом, понимание оригинала требует от переводчика еще и кропотливой исследовательской работы, без которой в итоге невозможен адекватный перевод. Если учесть еще и то, что переводимое произведение является своего рода агентом другой культуры, что оно отражает иную национальную картину мира средствами другого национального языка, важность исследова-

тельской работы переводчика становится еще более ясной и неоспоримой.

Г. Гадамер, анализируя проблему понимания в герменевтическом подходе, выделяет такие его этапы, как «ожидание» и «постижение»: «Понимание текста как целого невозможно без понимания его отдельных частей. К пониманию интерпретатор приходит постепенно, через последовательное ознакомление с отдельными частями текста. При этом у него возникает некое ожидание того смысла, которым характеризуется весь текст. Причем это ожидание, равно как и результирующее постижение смысла текста, влияет на понимание и отдельных частей текста» (Гадамер, 1991: 72), подчеркивая важность понимания как всего текста, так и его частей. Так констатируется, что «взаимосогласие отдельного и целого – всякий раз критерий правильности понимания. Если такого взаимосогласия не возникает, значит, понимание не состоялось» (там же).

В переводоведении необходимо не только понять оригинал, но и адекватно передать его в тексте перевода. И в этом случае необходим, по Э.Н. Мишурову, герменевтико-переводческий методологический стандарт, представляющий собой четырехступенчатую матрицу, которая включает в себя этапы предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения (Мишуров, 2018). Схожее мнение мы встречаем и в статье Н.С. Кудрявцевой «Герменевтика в искусстве перевода» (Кудрявцева, 2009: 237-244), где автор исходит из того, что текст лежит в плоскости нескольких герменевтических кругов (понятие герменевтического круга является одним из центральных в учении Г.-Г. Гадамера), что текст как целое является центральным, то есть первым, и, входя последовательно в ряд кругов, составляет вместе со всеми другими единый круг. Так, второй круг – это произведения данного автора, он, в свою очередь, также может быть разделен на меньшие круги – «ранние» и «поздние». Однако Н.С. Кудрявцева упускает из виду, что произведение входит в еще один круг – в

биографию писателя, точнее, в ее определенный этап, когда оно было создано. В свою очередь, этот этап жизни писателя входит в соответствующий этап истории данного общества, а далее и в целое его истории. Точно так же автор как представитель определенной национальной культуры входит в круг современного состояния данной культуры, в целое ее традиций и, наконец, в контекст общечеловеческой культуры. То есть, герменевтический подход не должен ограничиваться отношениями между текстами, здесь необходимо учитывать все связи данного текста с действительностью.

Из сказанного можно заключить, что первый этап работы переводчика, а по Мишкурору, первый и второй – адекватное понимание подлинника – задача наисложнейшая. В обязанность переводчика входит необходимость понять, что хотел сказать автор, и выразить эту мысль в переводе (третий и четвертый этапы по Мишкурору).

Не случайно Г. Гачечиладзе утверждал, что «если таков характер процесса познания вообще, можем ли мы рассчитывать, что познание иноязычного произведения может быть исчерпывающим? Безусловно нет. Как и любой предмет, подлинник познается лишь приблизительно, а не полностью, и воспроизведение подлинника – это приблизительный его образ» (Гачечиладзе, 1972: 101). А это означает, что перевод есть процесс «бесконечного приближения мысли переводчика к предмету отражения, то есть к подлиннику» (там же).

Сила народного слова проявляется и в четкой структуре народных песен, и в меткой выразительности пословиц и поговорок. Известно, что идиоматические выражения часто строятся на особенностях жизни и быта народа. И, несомненно, особенности быта отражаются в языке художественного произведения. В связи с этим от переводчика требуется хорошее их знание, что является основным условием для создания верного перевода.

Рассмотрим это на примере двух переводов романа А. Кадыри «Минувшие дни» на русский язык (Л. Бать и

В. Смирновой в 1958 году, М. Сафаровым в 2008 году). Полушуточные слова служанки Тойбеки о «молодом госте» – достойном женихе для Кумуш вызывают раздражение последней. В свою очередь, она с насмешкой предлагает Тойбеке самой выйти за него, на что служанка отвечает пословицей: «Тенг тенги билан, тезак копи билан». Данная пословица передана Мухаммаднодиром Сафаровым дословно: «Ровня к ровне, а кизяку место в мешке». Казалось бы, здесь налицо удачный перевод: смысл передан точно, да и звучание достойно пословицы. И если учесть, что пословица имеет тесно связанную с бытом узбекского народа национальную окраску, придется еще раз признать удачность перевода. Однако в постраничном комментарии к слову «кизяк» дается пояснение – «навоз», что сводит на нет всю удачу. Дело в том, что слово «кизяк» обозначает высушенный в форме кирпичей (или ядра) навоз, употребляемый как топливо, то есть здесь речь идет не о собственно навозе, а об изделии из него, которое употребляется в качестве топлива и нередко складывается в мешки. В результате предложенного неверного пояснения русскоязычный читатель будет удивлен, не сумев совместить «навоз» с мешком, поскольку хранение навоза в мешке – нечто из ряда выходящее.

Необходимость комментариев для переводческих текстов становится очевидна при переводе любой национальной литературы, которая у каждой нации имеет свои непередаваемые тонкости или фоновый культурный запас, недоступный человеку извне.

В герменевтике каждое слово играет важную роль, поскольку вариативность его значения придает тексту такую же многозначность. Неудивительно, что смысловая многоплановость оригинала – это одна из лингвистических причин многовариантности перевода, поскольку в подобных случаях возможны разные решения и, следовательно, допустимы разные варианты перевода одного и того же текста.

Сложность перевода связана еще и с тем, что, при всем внимании к отдельному слову в тексте, получить единое целое из множества отдельных единиц не всегда представляется возможным. По утверждению Г. Гадамера, «настоящее бедствие перевода в том, что единство замысла, заключенное в предложении, невозможно передать путем простой замены его членов соответствующими членами предложения другого языка, и переведенные книги представляют собой обычно настоящие чудища, это набор букв, из которых вынули дух» (Гадамер, 1991: 43-59). Однако возможны ситуации, при которых «неясность», неопределенность намеренно создается автором оригинала. Понятно, что такая неопределенность как часть коммуникативной интенции автора должна сохраняться в переводе. В других случаях неясность появляется в тексте вследствие речевой небрежности автора, его неумения, неспособности или нежелания точно и четко выразить свои мысли. Всякий текст, как известно, имеет множество вне-текстовых связей, к которым отсылает читателя. В обязанность переводчика в таких случаях входит необходимость понять, что хотел сказать автор, и выразить эту мысль в переводе. Поэтому для верного понимания смысла текста необходима база знаний о той действительности, которая отражена в произведении, и о той ситуации, которая породила то или иное высказывание. Таким образом, понимание оригинала требует от переводчика еще и кропотливой исследовательской работы, без которой в итоге невозможен адекватный перевод.

Всем известно, что жители мусульманских стран, и особенно изображенного в романе Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» кокандского ханства, относились и относятся к азану – «приглашению», или «объявлению», обозначающему в исламе призыв к обязательной молитве, который читает муэдзин – с благоговением, с глубоким и неподдельным почтением. В подлиннике подобное отношение ярко выражается в описании предрассветной поры на кладбище Ходжа

Маоз: «Масжид минорасидан рухонийят ёғдириб мунглик азон товши эшитилди-да, уйку кучогида ётқан табиъат уйғониб жавоб берган каби жонғираб кетди» (Кодирий, 2014: 228). Вначале определим элементы, подчеркивающие такое благоговейное отношение. К ним следует отнести, в первую очередь, оборот «рухонийят ёғдириб» – «одухотворяя все вокруг» и эпитет «мунглик», что в сочетании с «рухонийят ёғдириб» означает не просто «печаль», а скорее «озаренную духом светлую печаль». Во второй части предложения образно передается, как в предрассветной тишине особенно звенит этот звук: «звук азана зазвенел, будто пробудилась спящая природа и ответила ему». В первом переводе рассматриваемое предложение подлинника разбито на два предложения: «С минарета мечети донесся печальный призыв на утреннюю молитву. Вся природа просыпалась, откликалась звонким эхом» (Кадыри, 1984: 224). Тут нет того почтения, которым проникнуто предложение подлинника, нет ощущения одухотворенности. Потому что здесь устранено само понятие «духовность», а оставлен только эпитет «печальный» в своем собственном смысле, лишенном контекстуального («озаренная духом светлая печаль») значения. Кроме того, если в подлиннике природа упоминается лишь для определения звука азана, то в переводе она приобретает самостоятельное значение. Тем самым теряются смысловые нюансы подлинника, выражающие национальные особенности мировосприятия. С этой точки зрения, на наш взгляд, перевод данного предложения, выполненный во втором переводе, можно считать более адекватным: «С минарета мечети, осыпая всю округу животворной волной духовной чистоты, раздался печальный призыв на утреннюю молитву, вслед за которым вся природа словно начала просыпаться, откликаясь звонким эхом» (Кадыри, 2009: 244). И к этому переводу, вероятно, могут возникнуть претензии, но неоспоримо здесь и стремление адекватно передать смысл и дух

оригинала, а также достижение зримых успехов в данном направлении.

В случае, когда слово оригинала меняется на слово, более понятное читателю перевода, создается обманчивое впечатление, будто цель достигнута: перевод адекватен. Особенно часто это наблюдается в тех случаях, когда происходит замена наименования одного предмета другим по сходству выполняемой ими функции. Однако опасность быть обманутым в данном случае слишком велика. Рассмотрим это на следующем примере, связанном с использованием названия орудия труда – теша. В переводе главы «Ночью в понедельник» читаем:

«Мутал говорил почти во весь голос, и Садык оборвал его:

- Потише, ты!

Снимая кирку с плеча, Мутал сказал:

- Трусишь? погоди, я еще песню запою!

- Перестань дурачиться, Мутал-ака! Я тебе нужен здесь?

- Хочешь – будь здесь, хочешь – нет, твое дело.

И, пролезши в дыру, Мутал стал копать.

- Не ударяй тешой так сильно! – сказал Садык». (Кадыри 1984: 247)

В оригинале в процессе подкопа герой использует слово «теша», однако в первом переводе в одном из двух случаев упоминания инструмента это слово заменяется словом «кирка». Несомненно, кирка ближе русскому читателю, но она не так характерна для узбекского быта, как теша и, скорее, заимствована из быта русского народа. Напротив, теша – наиболее сподручное орудие труда, которое узбеки используют и в плотницкой работе, и для прополки огорода, и для колки дров. Более того, существуют различные модификации инструмента тешы, приспособленные к тому или иному роду деятельности. Здесь, конечно, имеется в виду самая распространенная из них: теша – маленькое, острое, маневренное и потому удобное в использовании орудие, вряд ли можно придумать лучший инструмент для тайного подкопа. Наоборот, кирка – доволь-

но большое, заметное и мощное орудие, которым впору выдалбливать канал через горы, а потому не способное принести пользу героям в их «тонкой» работе. Таким образом, неверная замена слова, в конечном итоге, приводит к искажению национальной картины мира. Значит, при переводе реалий необходимо учитывать их функциональную роль в рамках каждого конкретного контекста и только с учетом этого решать их судьбу.

Так же существенно и внимание к описанию особенностей использования предметов в оригинале и переводе. Рассмотрим это на примере того же инструмента – тешы. В оригинале Мутал «достаёт свою тешу с пояса» («Мутал белидан тешасини олар экан»), в первом же из переводов он почему-то «снимает кирку с плеча». Дело в том, что раньше работники обычно носили тешу, заткнув ее за пояс («белбоғ»). Маленький размер инструмента и легкое его древко делает это так же удобным, как и носить крупную и тяжелую кирку на плече. Тем не менее, движение «снять кирку с плеча» характерно не для узбекского, а, скорее, для русского быта. Значит, в данном фрагменте в оригинале точно воссоздана свойственная национальному быту деталь, которая неоправданно искажена в первом переводе. Во втором переводе этот недостаток исправлен, здесь Мутал «снимает тешу с пояса». Кроме того, в первом переводе, в результате использования наименований «теша» и «кирка» в одной и той же ситуации, складывается впечатление, будто Мутал вооружен и киркой, и тешой, что не соответствует истине. В свое время на этот недостаток обратил внимание сын писателя Х. Кадыри, и в издании романа 1984 года заменил слово «кирка» на «тешу». Согласно наблюдениям К. Аззамова, «в издании 1984 года Х. Кадыри устранил отдельные недостатки перевода 1958 года», в числе которых и рассматриваемый нами случай. В частности, считая эту замену правильной, К. Аззамов обосновывает это тем, что «слово “кирка” и лексически, и фактически не адекватно понятию “теша”: это предметы

различного назначения, разной формы» (Азамов, 1989).

Одежда также является важной бытовой деталью, которая несет в себе определенного рода информацию о персонаже, о времени и месте изображаемых в произведении событий. Роман «Минувшие дни» отличается предельным вниманием к таким деталям, как описание внешнего вида героев, одежды, которая характеризует их также и с точки зрения их социального положения, персональных качеств, морали. Значит, и адекватный перевод деталей одежды необходим, а в некоторых случаях имеет решающее значение.

Рассмотрим несколько примеров. Первый из них связан с одним из главных героев произведения – отцом Кумуш. В оригинале читаем «аврасига қора мовут сирилган совсар пўстин кийиб бир киши (Мирзакарим-кутидор. – Ф. Х.) ўлтурадир». В первом переводе эта деталь передана следующим образом: «сидит человек в собольей шубе, крытой черным сукном» (Кадыри, 1984: 45). Во втором переводе эта же деталь приобрела несколько иной вид: здесь Мирзакарим-кутидор сидит «накинувши на себя кунью шубу, подбитую черным сукном» (Кадыри, 2009: 31). Как видим, в переводах шуба Мирзакарима-кутидора заметно разнится. Если учесть, что куница и соболь – зверьки одного семейства, казалось бы, не велика разница. Однако здесь необходимо помнить, что, с одной стороны, ареал распространения соболя приходится на Россию, и что, с другой стороны, соболий мех был популярен у русских купцов. Отсюда одяние узбекского купца в виде собольей шубы в первом переводе можно рассматривать как вольное обращение с оригиналом, как национализацию (Рецкер, 1981: 348-358). С этой точки зрения «кунья шуба» здесь более уместна, потому как отдельные виды куньих водились и на территории Центральной Азии.

Следующий пример касается воссоздания портретных деталей жены Мирзакарима-кутидора, которая, кстати,

сидит тут же – за сандалом. Здесь налицо еще большая оплошность переводчиков. В оригинале об Офтоб-аим сказано: «ичидан атлас кўйнак, устидан одми хон атлас гуппи кийган, бошига оқ даканани хом ташлаған, ўтгуз беш ёшлар чамалиқ гўзал, хуш бичим бир хотин» (Қодирий, 2014: 27-28). Вот как переданы эти детали в первом переводе: «На Офтоб-аим атласное платье, короткая ватная душегрейка из неяркого атласа, голова ее покрыта кисеей» (Кадыри, 1984: 45). Как видим, здесь также наблюдается национализация: «одми хон атлас гуппи» превращается в «короткую ватную душегрейку». Между тем, в оригинале нет и намек на короткий ее размер, наоборот, «гуппи» – это стеганный ватный халат с длинными полами, рассчитанный на холодные зимние дни. Необходимо напомнить, что изображаются события, происходившие в середине февраля, то есть пока еще стоят довольно-таки холодные дни. И в такое время года сидеть на айване – на открытой террасе в короткой душегрейке, пусть даже сунув ноги в сандал, нельзя. Почти такой же перевод реалии дан и во втором варианте, правда, здесь внесено маленькое уточнение, и Офтоб-аим одета в «короткую ватную стеганую душегрейку» (Кадыри, 2009: 31). Теперь следует обратить внимание еще на одну деталь: согласно первому переводу, в такую погоду Офтоб-аим сидит с головой, покрытой кисеей, то есть, фактически с непокрытой головой, что также не соответствует ни логике, ни, конечно, оригиналу. В романе сказано, что женщина сидит «накинув на голову белую дакану» («бошига оқ даканани хом ташлаған»). В «Толковом словаре узбекского языка» представлено следующее толкование слову «дакана»: «Ўрта яшар ва кекса аёлларнинг (кўпинча оқ доқадан) саллага ўхшатиб ўраладиган рўмоли» (Ўзбек тилининг изохли луғати, 2002: 546) («Белый платок (чаще из белой кисеи), которым пожилые и средних лет женщины заворачивают себе чалму»). То есть тут речь идет о 3-4 метрах белой материи, которая как бы по-домашнему небрежно только

наполовину (или не до конца) завернута («хом ташлаган») в чалму. Таким образом, необходимо отметить, что детали одежды, обладая специфической этнологической и национальной спецификой, также относятся к заслуживающим серьезного внимания со стороны переводчиков реалиям.

В процессе перевода одинаково важны все три звена в цепи отношений: автор-переводчик-читатель. Для успешного перевода важно, чтобы коммуникативная компетентность (как лингвистического, так и экстралингвистического плана) каждого из них была относительно равной. При этом особенно важно, чтобы переводчик сам приблизился к коммуникативной компетентности автора, а потом попытался поднять коммуникативную компетентность читателя до необходимого уровня. Недостаточный уровень компетентности читателя, неспособного понять заложенную в тексте информацию, может свести на нет даже самый хороший перевод. Особенно необходимо уделить внимание неязыковой осведомленности читателя, лингвоэтническим знаниям получателя информации, поскольку только при достаточном их уровне читатель будет в состоянии верно оценить прочитанное. В случае, когда подобного уровня ожидать не приходится, нужно создавать данную компетенцию при помощи дополнительной информации в виде комментариев, приложений к тексту или применить к переводу данной реалии комбинированный подход.

Рассмотрим это на примере перевода одного предложения: «Йигитлар куявни домлалар қаршисиға келтуриб тўхтатқандан кейин Отабек вакили бўлган Зиё шохичи билан Кумуш қизвакили Мухаммадраҳим ораларида *махр* масаласи очиладир» (Кодирый, 2014: 58; выделено нами. – Ф.Х.).

В первом варианте перевода: «Атабека подвели к мулле, начались переговоры между Зия-шохи́чи, представителем жениха, и Мухаммад Рахимом – представителем невесты. Речь шла об имуществе, которое жених должен выдать будущей жене в полную собственность» (Кадыри, 1984: 71).

Во втором варианте: «После того, как молодые парни подвели Атабека к мулле, начались переговоры между представителем жениха – Зия-шохи́чи (что-то вроде посаженного отца), и Мухаммадрахимом (соответственно представителем со стороны невесты). Речь шла об имуществе, которое жених должен передать будущей жене в полную собственность» (Кадыри, 2009: 65).

Во-первых, серьезные изменения претерпела грамматическая структура фрагмента: смысл одного предложения подлинника в обоих переводах передан двумя предложениями. Во-вторых, описательный перевод реалии привел к «разбуханию» текста: если предложение подлинника состоит из 21 слова, то в первом переводе он передан 29, а во втором – 40 словами. Оставим пока в стороне вопросы передачи индивидуального авторского стиля и сосредоточимся на адекватной передаче смысла. Так, можно ли считать, что приведенный описательный перевод передает значение слова «махр»? Мы считаем, что нет. Слово «махр» сообщает читателю подлинника несравнимо больше, чем «имущество, которое жених должен выдать будущей жене в полную собственность». У читателя подлинника намного шире круг понимания – герменевтический круг по Гадамеру, в силу того, что он находится внутри той традиции, в которой появилось это призывание. Он знает, что махр – это узаконенное шариатом имущество, которое должен выделить (или взять на себя обязательство выделить позже) жених будущей жене перед вступлением в брак. Объем махра определяется по согласованию сторон: он может быть чисто символическим или целым состоянием. Например, то, что выделяется Атабеком, впечатляет: «три сотни золотых тилла, обязательство выкупить после свадьбы большой дом в Маргелане, одну дойную корову, хозяйственную утварь...» (Кадыри, 2009: 65). Махр служит своего рода социальной страховкой для женщины, то есть, если вдруг распадется брак или случится что-то непредвиденное, она должна продолжать жизнь в нормальных условиях. Как видим, законы шариата

направлены на социальную защиту женщины и возлагают на мужчин большую ответственность за нее. Из сказанного становится ясным, что нельзя путать махр ни с қалымом, ни с приданым – это совсем иное правовое понятие.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что пояснительный перевод реалии «махр» недостаточен. Для того чтобы русскоязычный читатель смог понять суть изображаемого явления, целесообразно применить к переводу данной реалии комбинированный подход. Здесь он примет следующий вид: 1) транслитерация слова «махр», 2) сжатое пояснение смысла слова, 3) исчерпывающее примечание, представленное внизу страницы или в приложениях к изданию. В таком случае предложение предстанет примерно в следующем виде: *«После того как джигиты подвели Атабека к мулле, начались переговоры о махре* – передаваемом в полную собственность Кумуш имуществе – между её представителем Мухаммадрахимом и представителем жёниха Зия-шохичи»*. Важность комбинированного подхода в том, что он позволяет ярко показать реалию, вызывает интерес к ней у читателя, заставляет его обратиться за дополнительной информацией к примечаниям.

Преодоление разницы в уровнях компетенции участников коммуникации автор–переводчик–читатель – является одной из важных герменевтических проблем перевода.

Иными словами, для того чтобы адекватно перевести, сначала надо адекватно понять текст подлинника, что подразумевает понимание его смысла, раскрывающегося в различных контекстах. Поэтому вполне закономерно то, что «понимание» оказывается неотъемлемой частью определения перевода. А адекватно понять порой оказывается даже труднее, чем адекватно передать это понимание средствами другого языка.

Из рассмотренных нами примеров видно, что два осуществленных перевода романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» на русский язык не отражают в достаточной степени всей полноты национального своеобразия картины мира, которая была создана в оригинале. Ни первый перевод, выполнен-

ный Л. Бать и В. Смирновой, ни второй перевод, осуществленный М. Сафаровым, не сделали, согласно Д. Куронову, «энциклопедию узбекской жизни» явлением мировой культуры (Куронов, 2018: 164). Роман А. Кадыри «Минувшие дни» по-прежнему сугубо национальное достояние.

Итак, можно утверждать, что в основе теории и практики перевода должен находиться герменевтический подход. Поскольку только адекватное понимание переводчиком текста оригинала позволит ему правильно подобрать эквивалентные языковые средства и полноценно воссоздать отраженную в нем действительность. А то, что в произведении отражается действительность, увиденная глазами автора – представителя определенного народа, и то, что воссоздается эта действительность средствами национального языка, делают национальное своеобразие ее важнейшей составляющей. Иными словами, национальная окрашенность художественного произведения – закономерное явление: произведения могут различаться по степени своей национальной «окрашенности», но все они обязательно ею обладают. Из этого следует, что адекватное понимание произведения предполагает также понимание его национального своеобразия.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы:

Спор о методах перевода продолжается с древних времен, но только в начале XIX века, когда индивидуальность в художественном творчестве стала привлекать к себе больше внимания, был поставлен вопрос о качестве перевода. Индивидуальность художника непосредственно базируется на национальном, и потребность в его адекватном воссоздании привела к появлению литературоведческой теории перевода.

Литературоведческая теория перевода более применима в процессе перевода художественных произведений, поскольку эквивалентность перевода на уровне текста (лингвистический подход) не достаточна для того, чтобы считать его адекватным. Художественное произведение как произведение искусства богаче самого текста, по-

сколько обладает содержанием, которое способно присутствовать в нем не явно, а имплицитно.

Для понимания смысла художественного произведения необходимо обладать большим запасом информации, использованной в переводимом произведении и конкретизирующей, например, смысл действий и поступков персонажей, их речи, суть конкретных жизненных ситуаций. Для этого от переводчика требуется быть не только ученым-филологом, но ученым в широком смысле – историком, этнографом, культурологом, религиоведом.

Герменевтика как искусство истолкования текстов приобретает важное значение в процессе перевода произведений, отстоящих во времени и от переводчика, и от читателя. Она актуализирует проблему адекватности, так как адекватно перевести можно только после того, как получится адекватно понять произведение. Герменевтический подход, строящийся на установлении отношений «понимания» между интерпретатором и интерпретируемым требует большого внимания к проблеме психологизма (Дильтей), роли языка и языковых средств (Хайдеггер), и строится не столько на чувственном сопереживании, сколько на объективном воссоздании того культурно-исторического мира, в котором возник исследуемый текст (Дильтей). Поскольку горизонты сознаний автора и читателя (Гадамер) не являются статичными, задача герменевтов, в нашем случае интерпретаторов художественного текста, еще более осложняется. Герменевтические круги выходят далеко за пределы художественного текста, затрагивая исторические и социальные аспекты. И потому герменевтический подход ставит акцент на уровнях компетентности автора-переводчика-читателя и стремится к уменьшению разницы между ними. Большая роль в этом принадлежит переводчикам, которые обязаны стремиться в своей работе приблизиться к уровню компетентности автора и приблизить к нему и уровень компетентности читателя. В этом им помогают собственно-герменевтические, герменевтико-

переводческие и ассоциативно-герменевтические средства.

Таким образом, воссоздание национального своеобразия необходимо рассматривать как один из важнейших критериев адекватности художественного перевода, а герменевтический подход как наилучшее средство адекватного воссоздания национального своеобразия произведения.

Источники

Кодирий, А. Ўтган кунлар. Тошкент: Шарк. 2014. 400 б.

Кадыри, А. Минувшие дни. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1984. 336 с.

Кадыри, А. Минувшие дни. Ташкент: Шарк. 2009. 432 с.

Литература

Аззамов, К. Своеобразие прозы А. Кадыри и его воссоздание в переводе на русский язык [Электронный ресурс], Ташкент, 1989. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Алексеев, М.А. Роль герменевтического подхода при переводе художественного текста // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 1067-1069.

Апаева, А.Ю. История герменевтики от Шлейермахера до Гадамера // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 11 (112). С. 60-71.

Артамонова, Ю.Д., Кузнецов, В.Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2008. С. 99–117.

Бархударов, Л.С. Что нужно знать переводчику? // Тетради переводчика. Вып. 15. М.: Международные отношения, 1978. С. 44-58.

Брандес, М.П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1988. 127 с.

Гадамер, Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.

Гаччиладзе, Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Советский писатель, 1972. 262 с.

Карасик, В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда: Сб. науч. тр. Вып. 7. Воронеж, 2009. С. 32–47.

Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Кудрявцева, Н.С. Герменевтика в искусстве перевода // Новітня філологія. 2009. № 11

(31). Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2009. С. 237–244.

Куронов, Д.Х., Хабибуллаева, Ф.К. “Ўткан кунлар” таржимаси: таҳлил ва тавсиялар // Жaxon адабиёти. Адабий-бадий, ижтимоий-публицистик журнал. 2018. № 7. С. 163-172.

Миньяр-Белоручев, Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.

Мишкурлов, Э.Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт). М.: Военный университет, 2018. 299 с.

Модебазде, И.И. Свобода и Необходимость: понимание и интерпретация в переводе // Literary Researches. Тбилиси. 2012. Т. XXXIII. С. 153-171.

Моисеев, М.В. Перевод как вид герменевтического дискурса // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 28–35.

Ольховиков, Б.А. Замечания об особенностях филологического анализа и текстологического истолкования текста при переводе // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. трудов. Вып. 444. М.: МГЛУ, 1999. С. 103-114.

Рецкер, Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Наука, 1981. 160 с.

Семко, С.А., Рябов, Г.П. О герменевтическом аспекте перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Сб. науч. трудов. Часть II. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1998. С. 112-133.

Столбова, Н.В. Герменевтика как методология социально-гуманитарных наук: опыт и перспективы // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2010. № 2. С. 62-70.

Ўзбек тилининг изохли луғати. 3 т. Тошкент: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси» давлат илмий нашриёти, 2002, Б. 546.

Федоров, А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. 396 с.

Schleiermacher, F. Des différentes méthodes du traduire / Trans. Antoine Berman. Paris: Seuil, 1999. 178 p.

Sources

Qodiriy, A. (2014) *Urgan kunlar* [Past days], Publisher Shark, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek).

Qodiriy, A. (2009) *Minuvshie dni* [Past days], Publisher Shark, Tashkent, Uzbekistan (in Russ.).

Qodiriy, A. (1984). *Minuvshie dni* [Past days], Publisher of literature and art, Tashkent, Uzbekistan (in Russ.).

References

Alekseenko, M. A. (2016), “The role of the hermeneutic approach in translating literary text”, *Young Scientist*, 7, April, 1067-1069 (in Russ.).

Apaeva, A. Y. (2013), “The history of hermeneutics from Schleiermacher to Gadamer”, *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series “Philosophy. Sociology. Art History”*, 11 (112), 60-71 (in Russ.).

Artamonova, Yu. D. & Kuznetsov, V. G. (2008), “The hermeneutic aspect of the language of the media”, in: *Jazyk sredstv massovoj informatsii* [Language of the media], Academic Project: Alma Mater, Moscow, Russia, 99-117 (in Russ.).

Azzamov, K. (1989), *Svoeobrazie prozy A. Qodiriy i ego vossozdanie v perevode na russkij jazyk* [The originality of A. Qodiriy's prose and its reconstruction in translation into Russian]. CD, Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek).

Barkhudarov, L. S. (1978), “What does a translator need to know?”, *Tetrad perevodchika* [Notebooks of the translator], 15, *Mezhdunarodnyye otnosheniya*, Moscow, Russia, 44-58 (in Russ.).

Brandes, M. P. (1988), *Stil' i perevod (na materiale nemeckogo jazyka)* [Style and translation (based on the material of the German language)], *Vysshaya shkola*, Moscow, Russia (in Russ.).

Fedorov, A. V. (1968), *Osnovy obshhej teorii perevoda* [Foundations of the general theory of translation], *Vysshaya shkola*, Moscow, Russia (in Russ.).

Gachechiladze, G. R. (1972), *Hudozhestvennyj perevod i literaturnye vzaimosvjazi* [Literary translation and literary relationships], *Sovetskij pisatel'*, Moscow, Russia (in Russ.).

Gadamer, G. (1991), *Aktual'nost' prekrasnogo* [Relevance of the beautiful], *Iskusstvo*, Moscow, Russia (in Russ.).

Karasik, V. I. (2009), “Commentary as a genre of hermeneutic discourse”, *Language, communication and social environment*, 7, Voronezh, Russia, 32-47 (in Russ.).

Komissarov, V. N. (2002) *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies], ETS, Moscow, Russia (in Russ.).

Kudryavtseva, N. S. (2009), “Hermeneutics in the art of translation”, *News of Philology*, 11 (31), Mykolayiv, Ukraine, 237-244 (in Russ.).

Kuronov, D. Kh., Khabibullaeva, F. K. (2018), "Translation "Past days": analysis and recommendations", *Jahon adabiyoti. Adabiy-badiy, Izhimoiy-publicist magazine*, 7, 163-172 (in Uzbek).

Minyar-Beloruhev, R. K. (1980), *Obshhaja teorija perevoda i ustnyj perevod* [General theory of translation and interpretation], Military Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Mishkurov, E. N. (2018), *Germenevtika perevoda (teoretiko-metodologicheskij standart* [Hermeneutics translation (theoretico-methodological standard)], Voennyj universitet, Moscow, Russia (in Russ.).

Modebadze, I. I. (2012), "Freedom and necessity: understanding and interpretation in translation", *Literary Researches*, XXXIII, 153-171.

Moiseev, M. V. (2016), "Translation as a form of hermeneutic discourse", *Communicative Studies*, 2 (8), 28-35 (in Russ.).

Ol'khovikov, B. A. (1999), "Remarks on the peculiarities of the philological analysis and textological interpretation of the text in translation", *Actual problems of intercultural communication*, 444. Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, 103-114 (in Russ.).

O'zbek tilining izohli lug'ati [Annotated dictionary of the Uzbek language], V. 3 (2002), Tashkent State Scientific Publishing House "National Encyclopedia of Uzbekistan". Tashkent, Uzbekistan (in Uzbek).

Retzker, Ya. I. (1981), *Uchebnoe posobie po perevodu s anglijskogo jazyka na russkij* [Textbook for translation from English into Russian], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Schleiermacher, F. (1999), *Des différentes méthodes du traduire*, trans. by Antoine Berman. Paris: Seuil (in French).

Semko, S. A. & Ryabov, G. P. (1998), "On the hermeneutic aspect of translation", *Information and communicative aspects of translation*, part II, LUNN, Nizhny Novgorod, Russia? 112-133 (in Russ.).

Stolbova, N. V. (2010), "Hermeneutics as a methodology of social sciences and humanities: experience and prospects", *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Right*, 2? 62-70 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Хабибуллаева Феруза Казымжановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Андижанский государственный университет, ул. Университетская, д.129, город Андижан, 170100, Республика Узбекистан; *feruza0902@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Feruza K. Khabibullaeva, Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Andijan State University, 129 University St., Andijan city, 170100, Republic of Uzbekistan; *feruza0902@mail.ru*